

Королевский оркестр почти никогда не выступал вне стен Имперского Большого театра, за исключением самых торжественных случаев.

Наблюдая за тем, как Шэнь Янь проходит вглубь зала, присутствующие в очередной раз убедились, что его фигура привлекла внимание самых влиятельных особ государства.

Шэнь Янь занял свое место. Стакан перед ним уже успели наполнить теплой водой, а сквозь просветы в стене из гиацинтов виднелся край сцены.

Артисты в роскошных нарядах, обнимая инструменты, один за другим выходили на подмостки. Арфа переливалась в мягком свете ламп, а рабочие сцены поспешно уносили рояль в угол.

Взгляд Шэнь Яня задержался на этом инструменте, который выглядел довольно старым.

— Это Небула-17, — раздался рядом голос Гу Цинхэ.

Чиновник, сидевший рядом с Шэнь Янем, уступил место вернувшемуся Гу Цинхэ. Расстояние между ними заметно сократилось.

— Ты ведь в старшей школе выбирал музыку как факультатив? Кажется, я что-то припоминаю.

— Да. Преподаватель рассказывал нам историю серии Небула. Эти рояли создавались учеными в эпоху заката цивилизации. Тот мастер всю жизнь не мог изменить мир с помощью науки, поэтому на склоне лет решил посвятить себя созданию инструментов.

Гу Цинхэ посмотрел на Шэнь Яня, явно наслаждаясь этой беседой:

— Если нельзя изменить этот мир, то стоит оставить будущим поколениям хоть немного радости, — вот так он вздохнул напоследок, а затем создал партитуру Красного лотоса времен заката цивилизации.

Шэнь Янь не сводил глаз с рояля:

— После переселения на Имперскую звезду прошлые страдания превратились в блестящее искусство.

Гу Цинхэ слегка улыбнулся, предаваясь воспоминаниям:

— Помню, ты умел играть эту пьесу.

Си Гуюань, слушавший их диалог, поднял стакан и отпил теплой воды. Хотя вопрос был задан

Гу Цинхэ, он, подняв глаза, посмотрел прямо на Шэнь Яня:

— Цинхэ слышал, как он играет?

Взгляд Си Гуюаня заставил Шэнь Яня на мгновение замереть. В этой непроглядной тьме сквозило едва уловимое давление. Шэнь Янь промолчал и обернулся к Гу Цинхэ, размышляя, сколько же информации о нем тот успел собрать.

Гу Цинхэ рассмеялся:

— В старших классах я иногда заглядывал в школу и слышал, как Шэнь Янь играет в музыкальном классе. Его манеры ни с чем не перепутать, она совсем не такая, как у других.

Чистая, холодная, сдержанная — ноты рождались из-под его пальцев так же легко, как и его холодный, гордый нрав. В этом не было вызова, просто он от природы не придавал значения многим вещам.

Когда дверь была приоткрыта, можно было видеть, как он, слегка опустив веки, смотрел на черно-белые клавиши, оставаясь совершенно невозмутимым. Тогда Гу Цинхэ, глядя на его профиль, всегда испытывал некую задумчивую улыбку.

Слишком твердое легко ломается.

Но теперь все иначе. Улыбка на губах Гу Цинхэ стала мягче:

— В программе примерно четыре-пять произведений. Первые два уже утверждены, а что бы ты хотел послушать? Остальное еще можно изменить.

— Пусть будет по списку.

Гу Цинхэ слегка кивнул и перевел взгляд на сидевшего напротив Си Гуюаня, по привычке соблюдая светский этикет:

— Гуюань, есть ли у тебя на примете особые произведения, которые ты хотел бы услышать?

Си Гуюань сжал в руке стеклянный стакан, отвел взгляд от Шэнь Яня, и в его глазах промелькнуло смягчение:

— Я ничего не смыслю в музыке.

Шэнь Янь, вспомнив недавний взгляд Си Гуюаня, холодно заметил:

— Генерал Си занят военными делами, у него еще со старших классов не было времени на праздные занятия.

Си Гуюань: ...

Гу Цинхэ улыбнулся и не стал отвечать, ведь он прекрасно знал, что Си Гуюань в старшей школе тоже выбрал фортепиано. Они были одноклассниками много лет и всегда соперничали, между ними было немало тренировок, о которых Гу Цинхэ не догадывался, но кто знает, чем именно слова Си Гуюаня могли задеть Шэнь Яня.

Бай Жосянь с улыбкой вмешался в разговор:

— Вы оба были одноклассниками с юных лет, стоит ли придавать этому такое значение? Выступление вот-вот начнется. Раз особых пожеланий нет, давайте просто послушаем.

Закончив, он, казалось, что-то вспомнил и, воспользовавшись тем, что свет на сцене еще не загорелся, наклонился к Шэнь Яню и прошептал:

— Большинство гостей на этом банкете собрались ради тебя. После выступления я представлю тебя публике, а потом ты сам скажешь пару слов.

Бай Жосянь выходит на сцену как хозяин, провожающий гостей, а он здесь при чем? Высшая Омега для показа?

Гу Цинхэ, заметив, что Шэнь Янь не спешит с ответом, посмотрел на Бай Жосяня:

— Шэнь Янь редко участвует в подобных шумных мероприятиях, если ему это не по душе, не стоит настаивать.

В его словах уже чувствовалась защита. Сказав это, он посмотрел на Шэнь Яня с мягкой улыбкой, и в глазах за стеклами очков читалась поддержка, словно он просил его не волноваться.

Си Гуюань смотрел на лицо Шэнь Яня. Возможно, из-за освещения, но тот выглядел еще бледнее обычного. Тонкие губы сжаты, кожа, подобная тончайшему фарфору, казалась пугающе хрупкой.

Он поставил стакан и небрежно произнес:

— Командующий Шэнь занимает важный пост и привык действовать лишь в рамках военных задач. Выступление на частном банкете неуместно.

<http://bllate.org/book/18568/1787092>